

Антуан ГОБИЛЬ,
академик его императорского величества,
и проблема экспорта научных революций

Д. А. Байюк

к. ф.-м. н., ИИЕТ РАН

1. Миссия французского иезуита из Гайяка (регион Юг – Пиренеи по современному административному делению) Антуана Гобиля началась 17 марта 1721 г. в Париже: в этот день французский император Людовик XV и его дядя и регент Филипп Орлеанский подписали письмо-патент (*brevet*), направляющее Гобиля в Восточные Индии и Китай. В письме признавались познания миссионера в математике и способность «проводить наблюдения, служащие совершенствованию наук и искусств и точности географии». В 1970 г. Рене Симон опубликовал 342 письма Гобиля, написанных и отосланных во время его миссии. Первое — от 23 февраля 1722 г. с острова Пуло-Кондор (арх. Кондао), посвященное описанию определения географических координат острова. Географическая долгота определялась по спутникам Юпитера. Измерения подтвердили подозрения Гобиля, что остров находится значительно восточнее, чем тогда считалось.
2. 7 апреля 1723 г. Гобиль достиг Пекина. Как и всякий другой европеец, он мог получить право находиться там, только будучи на службе императора. Незадолго до этого, 20 декабря 1722 г., умер император Айсиньгёро Сюанье, правивший под девизом Канси. Новый император (Айсиньгёро Иньчжэнь), правивший под девизом Юнчжэн, с самого начала своего правления проводил репрессивную политику в отношении христианства. Многие миссионеры были высланы в Кантон, остальные находились в миссиях фактически под домашним арестом. Первая аудиенция, в ходе которой Гобиль впервые увидел императора, состоялась 25 октября 1725 г. К этому времени он уже достаточно освоил языки, чтобы понимать императора без перевода. Основная его работа заключалась в астрономических вычислениях – главным образом, предвычислении затмений.
3. Астрономия, как при Цинах, так и в годы правления предыдущей династии, Минах, считалась государственным делом, а астрономические явления — знаками, посредством которых небо (旻天) сообщало свою волю императору (天子, своему сыну). Наблюдения проводились на императорской обсерватории и находились в ведении Математического трибунала, части Министерства обрядов (禮部). Начиная с XIV в., науки и культура в Китае переживали непрерывный упадок, усилившийся во время гражданской войны

в XVII в. Однако именно знание европейской астрономии позволило итальянскому миссионеру Маттео Риччи (1552–1610) создать первую христианскую миссию в Пекине и фактически руководить работой Математического трибунала. С середины века руководство трибуналом перешло к иезуитам и формально.

4. Один из главных проектов, на который руководству Математического трибунала удалось уговорить императора Канси, заключался в масштабном картографировании империи (преимущественно северных территорий). Очень важным в проекте было участие китайцев, принявших христианство и прошедших обучение в миссиях, поскольку в некоторые провинции (в особенности, в Тибет и Корею) доступ европейцам был закрыт. Карта была готова к 1718 г. и представлена императору. Кроме того, она была тайно перевезена во Францию и представлена там Людовику XV в 1725 г. Со временем Юнчжэн перестал делать из нее секрет, и в 1735 г. она была издана во Франции дю Альдом.
5. Одна из задач Гобилья заключалась в изготовлении уменьшенных копий снятых иезуитами карт. Некоторые из этих копий и сопровождающие их описания Гобилья переправлял в Париж.
6. Первую попытку установить контакты с академиками при Санкт-Петербургском дворе Гобилья предпринял в 1725 г., еще до создания академии. Главным его корреспондентом был Жозеф-Никола Делиль. Наиболее активно переписка велась между 1732 и 1735 гг., а в 1739 г. Гобилья был избран почетным иностранным членом академии.
7. Первый состав Санкт-Петербургской Императорской академии наук весьма гомогенен: практически все академики были германоговорящими протестантами — лютеранами (большинство) или кальвинистами. При том что никакой религиозной пропаганды ни за кем из них не замечено, у большинства из них значительный теологический бэкграунд. Некоторые после возвращения из России преподавали теологию.
8. Создание образовательных учреждений разного уровня и рода было необходимым элементом иезуитской пропаганды. На протяжении всей истории ордена его члены стремились создавать их и в России. В XVII в. у них были в этом значительные успехи, но только в провинции, в частности в Киеве. Из Москвы иезуиты были изгнаны в 1689 г. и после этого находились там только тайно.
9. В 1689 г. был подписан первый мирный договор между Москвой и Пекином (Нерчинский трактат), по которому практически весь бассейн Амура признавался территорией Китайской империи. В качестве посредников при заключении договора выступали два миссионера-иезуита из двух пекинских миссий. По одной из версий, Петр Первый, недовольный результатами переговоров, обвинял иезуитов в умышленном обмане русских послов.

10. Крайней враждебностью к римско-католической версии христианства отличался один из ближайших сподвижников Петра Феофан Прокопович (1681–1736) после возвращения из Рима, где он проходил обучение в иезуитской коллегии св. Афанасия. Прокопович был не только один из авторов петровского проекта академии наук, но и сопровождал императрицу Екатерину I во время ее первой встречи с академиками в Летнем саду летом 1725 г. и первом собрании академии зимой 1726 г.
11. Гобиль стал первым иезуитом в академии. Отношение к религии Делиля не ясно, но воспитание у него было католическое, что отличало его от всех прочих академиков. Однако Делиль был одним из немногих, кто ехал в Санкт-Петербург фактически по приглашению самого Петра. Еще в 1717 г., будучи в Париже и присутствуя на заседании Парижской академии наук, Петр предложил переехать в Санкт-Петербург Гийому Делилю — старшему брату Жозефа Никола. Гийом тогда преподавал географию будущему Людовику XV и год спустя занял пост королевского географа, созданный специально для него. Вместо Гийома в Санкт-Петербург поехали Жозеф Никола и Людовик Делиль-де-ла-Кройер. Жозеф Никола Делиль кроме системы астрономических наблюдений в России должен был организовать также картографическую службу.
12. Одна из главных сложностей задач картографии — в определении географической долготы. Если широта места определяется только из астрономических наблюдений в этом самом месте, то для определения долготы необходимо проводить наблюдения в двух разных местах, измеряя и время с помощью синхронизированных часов. Эта задача представляла на протяжении многих веков почти непреодолимые трудности, но стала успешно решаться в конце XVII в. благодаря открытию спутников Юпитера Галилеем (1609) и изобретением маятниковых часов Христианом Гюйгенсом (1655).
13. Первое выступление Делиля на академической конференции в 1726 г. было посвящено спутникам Юпитера. Им же была посвящена и первая его статья, опубликованная в первом томе академических «Комментариев». В начале 1730-х гг., когда шла речь о подготовке Второй Камчатской экспедиции, Делиль использовал влияние академии, чтобы постановлением Сената обязать всех участников сибирских экспедиций, обладающих необходимыми навыками и нужными инструментами, проводить наблюдения за спутниками Юпитера. И хотя результаты этих наблюдений и измерений могли быть обнаружены только спустя месяцы или даже годы, в ретроспекции обнаружилось, что те же самые конфигурации и затмения в то же самое время наблюдали в обсерваториях Пекина, Парижа или французской миссии в индийском городе Чандернагор. Единственная публикация Гобилля в «*Novi commentarii academiae petropolitanae*» относится к 1754 г. и посвящена установлению географических координат мест, где Гобиль никогда не был и быть не мог: Илимского и Олёкминского острогов на Лене, Якутска,

населенных пунктов вдоль Амура, Зеи и Айгуни. В частности, там делались поправки по местоположению некоторых населенных пунктов в изданном Делилем «Атласе России».

14. Исследовательская деятельность в XVIII в. в России и в Китае была бы невозможна без налаживания определенного взаимодействия исследователей с политическими и социальными институтами этих стран. Описанные картографические и астрономические проекты обладают определенными принципиальными отличиями от, например, экспедиций эпохи Великих географических открытий, когда исследование новых земель велось так, словно они никем не заселены или, по крайней мере, наличие населения можно не принимать в расчет. Исследовательские организации, имея иноземное происхождение, не только взаимодействовали с местными властями, но, более того, возникали внутри существующей политической системы. Сама исследовательская программа осуществлялась в большой степени силами местного населения, которое, тем самым, не только должно было освоить некоторые методы современной ему науки, но и принять ее определенную аксиологию. Таким образом, реализация этой исследовательской программы включала в себя как необходимую часть перенос научного знания, включая и практические приемы его увеличения. Академии, экспедиции и обсерватории должны функционировать в теле классической науки.
15. Понятие классической науки в последние полтора–два десятилетия принято рассматривать в ряду определенного количества сходных понятий: классическое — неклассическое — постклассическое... Естественным образом сюда вписывается и доклассическое. Научная революция XVII в. в большинстве посвященных ей сочинений рассматривается как исключительно внутриевропейский процесс построения новой картины мира и последовавшего мучительного принятия ее. Однако если говорить о научной революции, как о смене доклассической науки классической, то сам по себе факт географического тождества мест, где новая картина мира строится и где потом мучительно принимается, не имеет большого значения, и тогда экспорт революции становится ее частью. Точно так же не имеет большого значения, отвергается ли плод революции на том же самом месте, где он вырос, в случае его отвержения. Россия и Китай в описанном выше примере встретились с классическим знанием более или менее одновременно, но в разных формах и по-разному реагировали на него. И России, и в Китае новые научные институты создавались иностранцами и в рамках придворных культур, однако в России классическая наука в течение столетия смогла перейти в фазу доместикации и раствориться в национальной культуре, а в Китае этого по какой-то причине не случилось или случилось значительно позже.